

ГЕРБЕРТ

УЭЛЛС

КОЛЕСА СУДЬБЫ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Герберт Джордж Уэллс

Колеса судьбы

«Издательство АСТ»

1896

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Уэллс Г.

Колеса судьбы / Г. Уэллс — «Издательство АСТ»,
1896 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-163340-0

Англия, конец XIX века, самый разгар «велосипедной лихорадки» – и леди, и джентльмены увлечены долгими поездками на велосипедах. Мистер Хупдрайвер, продавец в одном из лондонских магазинов, еще совсем молод, но уже успел устать от жизни и скучной монотонной работы. Однажды он получает долгожданный отпуск и отправляется в десятидневное путешествие по живописному побережью южной Британии. Уже несколько часов спустя юноша встречает очаровательную юную леди в сером велосипедном костюме, совершающую поездку в компании брата. Но очень скоро Хупдрайвер понимает, что сопровождающий – вовсе не родственник девушки и ей грозит опасность...

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-163340-0

© Уэллс Г., 1896

© Издательство АСТ, 1896

Содержание

I. Главный герой нашей истории	6
II. Решение принято	9
III. Планы на отпуск	10
IV. Мистер Хупдрайвер отправляется в путь	12
V. Постыдное происшествие на глазах молодой леди в сером	16
VI. По дороге в Рипли	20
VII. Еще одна встреча	22
VIII. И снова она	24
IX. Мистера Хупдрайвера преследуют	27
X. Образы, возникшие в уме и сердце мистера Хупдрайвера	30
XI. О чем я не поведал читателям	32
XII. Сны мистера Хупдрайвера	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Герберт Джордж Уэллс Колеса судьбы

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

I. Главный герой нашей истории

Если бы 14 августа 1895 года (при условии, что вы принадлежите к числу тех покупателей, которые интересуются подобными товарами) вы вошли в великолепный магазин компании «Энтробус» – кстати, абсолютно вымышленной – и повернули направо, туда, где рулоны белого полотна и ровные стопки одеял возвышаются вплоть до карниза, а с карниза свисают розовые и голубые ткани, то скорее всего вас встретил бы и обслужил главный герой нашей истории. Должно быть, он с поклонами подошел бы к вам, положил на прилавок обе руки с деформированными суставами пальцев, выглядывавших из-под огромных манжет, выставил бы острый подбородок и без тени искренней радости поинтересовался: «Что имею удовольствие вам показать?» В том случае, если бы речь зашла, например, о шляпах, детском белье, перчатках, шелках, кружеве или шторах, он с грустным выражением лица вежливо поклонился бы и, описав рукой широкий круг, пригласил бы проследовать дальше, то есть за пределы его компетенции. Но в других, более благоприятных обстоятельствах: если бы вы заинтересовались такими товарами, как льняное или бумажное полотно, одеяла, канифас, кретон, постельное белье или ситец, – он гостеприимно перегнулся бы через прилавок, поспешно пододвинул вам стул, приглашая присесть, а затем начал бы без усталости доставать, разворачивать и представлять вашему требовательному вниманию находившийся в его распоряжении товар. В столь располагающих обстоятельствах, если вы обладаете способностью к наблюдению и не заняты мыслями о домашнем хозяйстве настолько, чтобы не замечать ничего вокруг, скорее всего вы уделите бы главному герою нашей истории более пристальное внимание.

Если бы вы что-то и заметили в молодом человеке, то скорее всего полное отсутствие примечательных черт. Он был бы одет в черный сюртук, белую рубашку с черным галстуком и серые крапчатые брюки, скрытые в таинственной тени под прилавком. Внешность героя можно описать так: лицо бледное, волосы грязно-русые, глаза водянисто-серые, под острым невыразительным носом – жидкие, как у юноши, усики. Черты его лица были мелкие, но правильные. Лацкан сюртука украшала розетка булавок разного размера. Не трудно было бы заметить, что речь его состоит исключительно из выражений, которые принято называть избитыми – то есть не родившимися под влиянием момента, а возникшими много лет назад и давным-давно заученными. Например, он сказал бы: «Вот этот товар, мадам, отлично продается», – или: «Ткань по четыре шиллинга три пенса за ярд пользуется успехом». «Конечно, мы можем показать что-нибудь более качественное», «уверяю, мадам, ни малейшего беспокойства» – таковы типичные фразы нашего героя при общении с покупательницами. Такое впечатление он произвел бы на вас поначалу. Он танцевал бы за прилавком, бережно сворачивая только что развернутые товары и откладывая в сторону все, что вы выбрали, а потом достал бы из футляра маленький блокнот с графитовой пластинкой и листом копировальной бумаги, выписал бы чек характерным для продавцов мануфактуры витиеватым почерком и громким возгласом вызвал бы управляющего. Тотчас явился бы невысокий полный господин, весьма пристально изучил бы ваш счет (демонстрируя прямой пробор на волосах), еще более витиевато начертал бы на документе резолюцию: «Единая оплата», – спросил бы, не желаете ли еще чего-нибудь, и постоял бы рядом, пока продавец не вернется со сдачей, при оплате наличными. Еще один пронизательный взгляд, и невысокий полный управляющий с поклонами и любезностями проводил бы вас к выходу. На этом визит в магазин успешно завершился бы.

Однако настоящая литература имеет дело не только с поверхностным описанием событий и явлений. Настоящая литература – это откровенное разоблачение их внутренней природы, к тому же разоблачение не всегда неблагопристойное. Долг серьезного писателя заключается в том, чтобы поведать читателям – пусть даже смутив их – подробности, которые без его помощи они ни за что не увидели бы. А та важнейшая для нашей истории особенность стоявшего за

прилавком молодого человека, которую вы не заметили бы, но о которой необходимо упомянуть, чтобы написать эту книгу, заключалась – давайте смело посмотрим правде в глаза – в удивительном состоянии его ног.

Рассмотрим эту тему беспристрастно и недвусмысленно, а за основу возьмем некое подобие научного подхода: бескомпромиссный, почти профессиональный тон добросовестного реалиста. Представим ноги молодого человека в виде простой диаграммы и с точностью острой лекторской указки обозначим зоны нашего интереса.

Итак, разоблачение.

На внутренней стороне правой лодыжки молодого человека вы, леди и джентльмены, увидели бы ушиб и ссадину. На внутренней стороне левой лодыжки также заметили бы ушиб, а на внешней ваше внимание привлек бы большой желтый синяк. На левой голени имелось два синяка: один свинцово-желтый, местами переходивший в фиолетовый, другой, явно более свежий, – красноватый, распухший, неприятного и даже откровенно угрожающего вида. По левой ноге от щиколотки вверх спиралью протянулся загрубевший красный след от травмы, а участок над коленом, с внутренней стороны, был покрыт ссадинами и кровоподтеками. На правом колене также имелись следы ушибов, причем даже с внутренней стороны.

Продолжим исследование.

Вдохновленный этими открытиями наблюдатель продвинулся бы выше и обнаружил синяки на плечах, локтях и даже на пальцах. Судя по всему, нашего героя лупили долго, старательно и чрезвычайно методично. Однако изрядное количество реалистичных подробностей можно сравнить с сытным застольем, а мы описали уже вполне достаточно для нашей цели. Даже в литературе полезно знать, когда следует остановиться.

Читатель, должно быть, склонен осведомиться, каким образом этот респектабельный молодой приказчик умудрился довести свои ноги да и самого себя до столь ужасающего состояния. Вполне можно вообразить, что он по неосторожности угодил в какую-нибудь сложную машину, например в молотилку или в один из хищных сеноуборочных агрегатов. И все же Шерлок Холмс (к сожалению, уже покойный) пришел бы к иному выводу. Он бы сразу понял, что синяки на внутренней поверхности левой ноги в совокупности с прочими ушибами и царапинами определенно указывают на последствия упорных попыток забраться на сиденье велосипеда, а плачевное состояние правого колена столь же красноречиво свидетельствует о травмах, полученных в результате поспешных, часто неосторожных и всегда необдуманных попыток спуститься на землю. Один – самый большой – синяк на голени безошибочно указывает на неопытного ездока, над которым постоянно нависает угроза неожиданного и болезненного столкновения с педалью. Даже если просто вести велосипед за руль, ничего не стоит ни с того ни с сего оцарапать ногу до крови. Вот так, в результате ошибок и травм, мы постепенно приобретаем ценный опыт. Два синяка в одном месте выдают некоторую неуклюжесть, вполне объяснимую у того, кто не привык к физическим упражнениям. Мозоли на ладонях красноречиво сообщают, что велосипедист лихорадочно пытался удержать непослушный руль. И так далее, вплоть до вывода, который сделал бы мистер Холмс после осмотра небольших повреждений: машина, которой управлял пострадавший, представляла собой старомодную тяжелую конструкцию весом сорок три фунта с вилкой вместо ромбовидной рамы и гладкими, изрядно потертыми шинами.

Итак, разоблачение состоялось. В результате за опрятной фигурой внимательного услужливого продавца, с которым я имел честь познакомиться вас в начале повествования, открывается картина ежевечерней борьбы. Вот на темной дороге из Рохэмптона в Патни-хилл появляются две таинственные фигуры. Видение сопровождается скрипом каблучков по гравии, пытением, ворчанием, криками «давай, парень, давай!». Затем следует трагическое продолжение: неуверенное движение вперед, судорожный поворот руля и, наконец, финальная катастрофа. В тусклом сумеречном свете вы обнаруживаете главного героя сидящим на обочине и

потирающим ногу в новом месте, в то время как его сочувствующий, но отнюдь не расстроенный приятель пытается выпрямить безжалостно свернутый руль.

Вот так даже в вышколенном галантерейном приказчике проявляются признаки мужественности. Вопреки условностям профессии, вопреки шепоту осторожности и постоянной ограниченности в средствах воля к победе ведет его на поиски здоровых радостей и к преодолению трудностей, опасности и боли. Так первое глубокое исследование натуры приказчика приподнимает шелковые и атласные покровы, открывая восхищенному взору живого человека! К этому исходному факту (среди прочих) мы непременно вернемся в конце истории.

II. Решение принято

Но достаточно сенсационных разоблачений! Как и положено приказчику галантерейного магазина, главный герой нашего захватывающего повествования следует вдоль прилавка с вашими покупками в руках, направляясь на склад, где все вещи будут немедленно упакованы аккуратным сотрудником, переданы исполнительному курьеру и доставлены к вам домой. Затем он возвращается на место, берет за края штуку клетчатой ткани и принимается старательно разглаживать невидимые миру складки. Рядом стоит ученик, стремящийся получить почетное звание младшего приказчика, – румяный рыжеволосый парень в коротком пиджаке и рубашке с очень высоким воротничком, который методично, один за другим, складывает отрезки кретона. К двадцати одному году юнец, возможно, достигнет положения полноправного приказчика – того, которое с достоинством занимает мистер Хупдрайвер. С медных карнизов над их головами свисают образцы цветных материй, а за спинами висят полки, заполненные тонкими белыми тканями: батистом, муслином и атласом. Глядя на старательно работающих молодых людей, можно представить, что оба сосредоточены исключительно на гладкости рулонов и ровности краев, но в действительности ни один из них не думает о том деле, которым занят. Оба действуют машинально, по уже сложившейся привычке. Приказчик поглощен мыслями о блаженном времени – до окончания рабочего дня осталось всего четыре часа, – когда можно будет вернуться к милым сердцу синякам и ссадинам. В голове ученика витают юношеские мечты, а закованное в рыцарские латы воображение бороздит просторы фантазии в поисках достойного испытания во славу Прекрасной Дамы – предпоследней из учениц расположенной этажом выше швейной мастерской. Ради нее пылкий поклонник даже готов вступить в схватку с хулиганами, ведь тогда властительница сердца сможет увидеть его подвиг в окно!

К действительности мечтателей возвращает появление невысокого полного управляющего с листом бумаги в руке. Ученик моментально ускоряет движения. Управляющий окидывает товар профессиональным взглядом и обращается к старшему из подчиненных:

– Хупдрайвер, как покупают клетчатые ткани?

Приказчик не без труда отрывается от воображаемой победы над загадочным процессом спуска с велосипеда.

– Довольно хорошо, сэр, вот только крупная клетка немного отстает.

Управляющий останавливается возле прилавка и осведомляется:

– Когда хотите пойти в отпуск? Есть ли пожелания?

Приказчик задумчиво тянет свой жидкий ус:

– Нет, сэр. Конечно, хорошо бы не слишком поздно.

– Как насчет следующей недели?

Крепко сжимая края рулона, мистер Хупдрайвер застывает в глубоком сомнении. Его лицо отражает сложный мыслительный процесс. Удастся ли покорить велосипед за неделю – вот в чем вопрос. Но если отказаться, то на следующей неделе в отпуск уйдет Бриггс, и тогда придется дожидаться сентября, а в сентябре погода крайне ненадежная. По натуре мистер Хупдрайвер оптимист. Все работники галантерейных магазинов должны быть оптимистами, чтобы заражать покупателей верой в красоту, практичность и долговечность предлагаемых товаров. И вот, наконец приняв окончательное решение, он нарушает молчание:

– Следующая неделя вполне меня устраивает.

Жребий брошен.

Управляющий делает пометку в бумаге и направляется к Бриггсу в отдел готового платья, следующий по важности в строгой иерархии Империи Тканей, а мистер Хупдрайвер тотчас возвращается к судорожным попыткам разгладить клетчатую ткань и, ковыряя языком душло в зубе мудрости, вновь впадает в задумчивость.

III. Планы на отпуск

Тем вечером за ужином в общезитии разговор шел исключительно об отпуске. Мистер Притчард превозносил Шотландию, мисс Айзекс восхищалась местечком с причудливым названием Бетвис-и-Куд, а мистер Джадсон с таким энтузиазмом расхваливал озера графства Норфолк, словно владел ими лично.

– Я? – переспросил мистер Хупдрайвер, когда очередь дошла до него. – Разумеется, отправлюсь в путешествие на велосипеде.

– Но не собираетесь же вы проводить день за днем на своей адской машине? – возмутилась мисс Хоу из отдела верхней одежды.

– Собираюсь, – как можно спокойнее ответил мистер Хупдрайвер, проверив на прочность свои жидкий ус. – Я непременно проеду на велосипеде по всему южному побережью.

– Остается, мистер Хупдрайвер, пожелать вам хорошей погоды, – пожала плечами скептически настроенная мисс Хоу. – А еще постарайтесь как можно меньше падать.

– И не забудьте взять мазь из арники, – вставил молодой ученик в очень высоком воротничке, поскольку наблюдал одну из тренировок на вершине холма в Патни.

– Заткнись, толстяк! – осадил самоуверенного молокососа мистер Хупдрайвер, взглянув на него пристально и угрожающе, и, обращаясь к мисс Хоу, пояснил: – Я уже чувствую себя достаточно уверенно.

В другое время мистер Хупдрайвер непременно продолжил бы отражение ироничной атаки со стороны непочтительного ученика, однако сейчас все его мысли были заняты предстоящим путешествием, так что размениваться на мелочную перепалку не хотелось.

Он рано вышел из-за стола, чтобы посвятить как можно больше времени бесстрашным упражнениям и вернуться домой прежде, чем швейцар запрет дверь на ночь.

Когда поздно вечером в доме отключили газовое освещение, наш герой уже сидел на краю кровати и старательно втирал в колено мазь из арники, причем в новую, весьма обширную ссадину, одновременно изучая и без того знакомую карту южного побережья Англии. Делившийся с ним комнату Бриггс из отдела готового платья сидел на своей кровати и курил в темноте. Он ни разу не пробовал прокатиться на велосипеде, однако понимал, насколько неопытен Хупдрайвер, а потому не стеснялся давать любые пришедшие в голову советы.

– Не забудь хорошенько смазать машину, – вещал Бриггс. – Возьми с собой пару лимонов. Не выбивайся из сил в первый же день. Держись на сиденье прямо. Никогда не теряй контроля над велосипедом и при каждом удобном случае изо всех сил жми на звонок. Если запомнишь эти дельные советы, то ничего плохого с тобой не случится. Поверь моему опыту.

Бриггс на минуту умолк, если не считать пары тихих проклятий в адрес трубки, а затем перешел к рекомендациям совсем иного толка:

– Что бы ни случилось, Хупдрайвер, главное – не дави собак. Задавить собаку – худшее, что может случиться в дороге. Крепко держи руль и никогда, ни за что не позволяй велосипеду вилять. На днях один велосипедист погиб только из-за того, что не удержал руль. Не мчись с бешеной скоростью, не заезжай на пешеходную зону, не покидай свою сторону дороги. При виде трамвайной линии сразу сворачивай за угол и торопись перебраться на соседнюю улицу. Да, еще включай фонарь прежде, чем окончательно стемнеет. Если будешь помнить об этих важных мелочах, то – даю честное слово – вернешься к нам живым и здоровым.

– Ты прав, старина! – согласился Хупдрайвер. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – доброжелательно ответил Бриггс.

Некоторое время тишину нарушало лишь тихое попыхивание трубки. Хупдрайвер успел уехать на своей адской машине в страну грез, однако вскоре что-то вернуло его в реальный мир. Но что же именно?

– Никогда не смазывай руль, это смертельно опасно, – донесся со стороны мерцающего красного огонька глухой заупокойный голос. – И непременно каждый день протирай цепь графитом. Если не забудешь об этом, то...

– Господи помилуй! – пробормотал мистер Хупдрайвер и натянул одеяло на голову.

IV. Мистер Хупдрайвер отправляется в путь

Только тот, кто весь год за исключением великолепного, но короткого летнего отпуска трудится шесть дней в неделю с утра до вечера, способен по достоинству оценить сладостное ощущение первого свободного дня! Вдруг исчезает вся унылая, надоевшая рутина, а разорванные цепи рабства падают к вашим ногам. Вы сразу становитесь господином собственной судьбы и внезапно получаете власть над каждым часом длинного дня. Вы можете идти куда угодно, можете не начинать каждую фразу с обращения «сэр» или «мадам», можете снять с лацкана розетку с булавками и скинуть надоевший черный сюртук, заменив его одеждой милого сердцу цвета, – иными словами, вы становитесь Человеком. А чтобы не терять драгоценных мгновений, пренебрегаете сном, едой и даже питьем. Целых десять блаженных дней можно не вставать до завтрака, чтобы, облачившись в старье, приниматься за уборку в сумрачном из-за закрытых ставен, неприветливом магазине. Не нужно спешно глотать невкусную еду и, подгоняемому криками: «Не спи, Хупдрайвер!» – бежать обслуживать привередливых старух. Первое утро отпуска – самое счастливое, ибо перед вами открывается полное приключений счастливое будущее. Однако потом из вечера в вечер к вам будет настойчиво являться неотвратимый призрак возвращения к рутине, а черная тень грядущей реальности изо дня в день будет заслонять солнце. Но первое утро отпуска не имеет прошлого, а эти десять дней кажутся лучезарной вечностью.

Утро выдалось замечательным, обещая великолепную погоду. По синему небу плыли восхитительные белые облачка, словно кто-то невидимый сгребал охапки ночных туч в стога, чтобы отправить на небесный сеновал. По дороге в Ричмонд жизнерадостно пели дрозды, а из вересковой пустоши в Патни доносились мечтательные трели жаворонков. Воздух наполнился восхитительной свежестью. На листьях деревьев и на траве сверкали то ли капли ночного ливня, то ли серебристые кристаллы росы. По милости экономки миссис Ганн Хупдрайвер позавтракал рано и теперь вел велосипед вверх по холму Патни; сердце пело в груди. Примерно на середине подъема дорогу перебежал лохматый черный кот и нырнул под ближайшую калитку. Ставни больших кирпичных домов за деревьями и разнообразными пестрыми кустами были еще закрыты, но даже за сотню фунтов наш герой не согласился бы поменяться местами с их ленивыми обитателями. Одет он был в новый коричневый велосипедный костюм, состоявший из модной просторной куртки с поясом, купленной по единой цене в тридцать шиллингов, и такого же цвета бриджей. Многострадальные ноги щедро утешали и украшали длинные клетчатые носки – «тонкие в стопе, плотные на лодыжке». Укрепленная на багажнике аккуратная дорожная сумка из американского брезента содержала необходимые в путешествии вещи, а именно: чистое белье, умывальные принадлежности и разные полезные мелочи. Слегка поцарапанные из-за многочисленных падений, но старательно начищенные звонок, руль, втулки, фонарь ослепительно блестели в лучах восходящего солнца. Наконец на вершине холма Патни после всего лишь одной неудачной попытки, закончившейся падением на траву, отважному путешественнику удалось устроиться на сиденье и с уверенным, важным видом, хотя и по слегка искривленной траектории, начать великий велопробег вдоль южного побережья Англии.

Для описания стиля его езды подходит лишь одно выражение: «сладострастные изгибы». Мистер Хупдрайвер двигался не быстро и не прямо. Строгий, недружелюбный критик мог бы заключить, что ехал он плохо, но в то же время, добавим мы, свободно, непринужденно, используя всю ширину дороги, а порою даже занимая пешеходную дорожку. Вдохновение не покидало вольную душу. Пока нашему герою никто не встретился на пути, но ведь день только начинался, и дорога оставалась пустой. Отважный путешественник до такой степени сомневался в своем мастерстве, что твердо решил при появлении любого средства на колесах заранее

слезать с велосипеда. Длинные тени деревьев почти полностью перекрывали дорогу, а утреннее солнце озаряло округу янтарным сиянием. Доехав до перекрестка на вершине Вест-Хилла, где стояла кормушка для скота, мистер Хупдрайвер свернул в сторону Кингстона и вознамерился преодолеть небольшой подъем. За его усилиями пристрастно наблюдал рано вышедший на работу полевой сторож в плюшевой куртке. Взглянув вверх, Хупдрайвер заметил, как впереди, на вершине холма, показалась голова ломового извозчика, а потому согласно принятому ранее решению выжал тормоз. Машина послушно замерла. Слезая с велосипеда, наш герой стал судорожно вспоминать, что при этом должна делать правая нога. Схватившись обеими руками за руль, он оставил левую ногу на педали, а правой зачем-то помахал в воздухе и уже в следующий миг – хотя в рассказе подобные события всегда занимают много времени – обнаружил, что велосипед упрямо падает вправо. Пока мистер Хупдрайвер решал, как спасти положение, сила притяжения действовала исправно. Не успев ничего придумать, он рухнул на колени, угодив прямиком на жесткий, негостеприимный велосипед, и смутно ощутил, что провидение вновь неласково обошлось с его голенью. Катастрофа случилась в двух шагах от наблюдавшего за происходящим сторожа, а извозчик даже привстал на козлах, чтобы рассмотреть происшествие во всех подробностях.

– Так не слезают, – критически заметил сторож.

Мистер Хупдрайвер поднял велосипед, увидел, что руль вновь свернут, и что-то тихо пробормотал. Ничего не поделаешь, опять придется все отвинчивать и выпрямлять.

– Так не слезают, – немного помолчав, настойчиво повторил сторож.

– Знаю, – раздраженно огрызнулся наш герой, стараясь не обращать внимания на свежую ссадину, расстегнул прикрепленную к сиденью сумку с инструментами и достал отвертку.

– Если знаете, то зачем так сделали? – тоном дружеской укоризны осведомился сторож.

Крепко сжав отвертку, мистер Хупдрайвер начал откручивать первый винтик.

– Это уж мое дело, – ответил он с досадой, пытаясь совладать с непослушным инструментом. От непривычного напряжения руки предательски дрожали.

Некоторое время сторож молчал и задумчиво крутил за спиной посох.

– Руль сломался? – наконец подытожил он свое наблюдение.

В этот момент отвертка выскочила из резьбы, а мистер Хупдрайвер произнес грязное слово.

– Страшно вредные штуки эти велосипеды, – сочувственно отозвался сторож. – Ужасно упрямые.

Мистер Хупдрайвер снова вставил отвертку в гнездо, яростно крутанул и внезапно вскочил: руль остался зажатым у него между коленями.

– Не могли бы вы перестать на меня смотреть? – срывающимся голосом проговорил наш герой и с видом человека, только что предъявившего неприятелю грозный ультиматум, принялся засовывать отвертку в сумку.

Однако сторож даже не пошевелился, лишь удивленно вскинул брови, уставился на него еще пристальнее и медленно, укоризненно изрек:

– А вы сердитый.

Тем временем мистер Хупдрайвер снова сжал руль, чтобы продолжить подъем, как только проедет повозка.

Негодование сторожа копилось медленно, но верно.

– Если вы не дадите никому посмотреть и не хотите ни с кем говорить, то почему бы вам не ездить по собственной дороге? – спросил сторож, все основательнее утверждаясь в своей правоте. – Так чувствительны, что даже слова сказать нельзя. Может, я недостаточно хорош для вас? Недостаточно красив и благороден?

Мистер Хупдрайвер неподвижно смотрел вперед, понимая, что возражать и спорить бесполезно. С тем же успехом можно было пытаться договориться со львами на Трафальгарской площади. Однако сторожем руководило уязвленное самолюбие.

– Не обращай к его светлости, – посоветовал он поравнявшемуся с ним ломовому извозчику. – Не иначе как сам герцог едет, а потому не желает разговаривать ни с кем ниже графа. Наверняка следует в Виндзор, вот и держит зад на отлете. Гордость! Высокомерие! Их у его светлости так много, что часть пришлось убрать в сумку, чтобы не лопнуть от избытка. Да...

Продолжения красноречивого монолога наш путешественник не услышал, поскольку уже упорно прыгал по дороге, лихорадочно пытаясь сесть на велосипед. Когда его нога в очередной раз не попала на педаль, он, к глубокому удовлетворению сторожа, снова выругался.

– Давай-давай! – самодовольно поддержал тот.

В следующий миг велосипед покорился, и после отчаянного рывка мистер Хупдрайвер оказался далеко впереди. Он был бы рад взглянуть напоследок на неприятеля, однако воздержался, поскольку по опыту знал, что это грозит падением. Представив, как негодующий сторож вдохновенно рассказывает извозчику о происшествии, он постарался выразить спиной свое высокомерное презрение.

Петляя, наш путешественник поехал вниз, к новому пруду, а оттуда на вершину холма, с которого открывался вид на Кенсингтонскую долину. Психология езды на велосипеде чрезвычайно оригинальна: теперь мистер Хупдрайвер двигался значительно увереннее и легче, чем до неприятной встречи, а все оттого, что возбужденные сторожем разнообразные чувства заставили забыть о постоянном страхе падения. Покорение велосипеда похоже на любовную историю: успех зависит от веры в собственные силы. Если поверите, что одержите победу, значит, успех в ваших руках, но стоит усомниться, и ничего не получится.

Возможно, вы вообразите, что мистером Хупдрайвером овладели жажда мести и раскаяние: жажда мести за унижение и раскаяние в собственной несдержанности. На самом же деле ничего подобного не случилось, напротив: нашего путешественника охватило восхитительное, приподнятое настроение. Внезапно великолепии отпуска предстало перед ним в новом, еще более ярком свете. На вершине холма он поставил ноги на нижнюю раму и, аккуратно работая тормозом, довольно уверенно и прямо съехал в долину. Глаза засветились новым восторгом, превосходившим радость от езды на свежем, напоенном ароматами трав и цветов утреннем воздухе. Большим пальцем наш путешественник дотянулся до звонка и затрезвонил – просто так, от счастья.

– Его светлость герцог, вот кто! – гордо поприветствовал он себя, спускаясь с холма, а внизу повторил: – Да, сам герцог, и никто иной!

Мистер Хупдрайвер беззвучно рассмеялся. Отличная история! Его социальное превосходство было настолько очевидно, что не укрылось от глаз даже такого случайного наблюдателя, как полевой сторож. Впереди целых десять дней без отдела тканей! Вдали от магазина ты больше не приказчик, а Человек! Услужливый, исполнительный продавец тканей Хупдрайвер исчез с лица земли, а вместо него появился элегантный джентльмен, любитель удовольствий с пятифунтовой купюрой в кармане куртки и с двумя соверенами и несколькими серебряными монетами в других надежных местах. В любом случае такое материальное обеспечение достойно герцога, пусть даже без благородной родословной. При мысли о деньгах рука сама собой потянулась к нагрудному карману, а велосипед ответил на это движение яростным зигзагом в сторону кладбища и едва не наехал на кучу битого кирпича. Что за негодяи устроили препятствие прямо посреди дороги? Не иначе какой-нибудь безмозглый ленивый Гарри с такими же друзьями! Не мешало бы отдать одного хулигана под суд, чтобы другие задумались об ответственности. За спиной пряжка сумки для инструментов ритмично постукивала по грязевому щитку. Колеса весело стрекотали.

На кладбище царствовали тишина и спокойствие, но долина уже просыпалась. На окнах со скрипом и стуком поднимались ставни, из какого-то дома выскочила белая собачонка и, старательно исполняя служебный долг, визгливо залаяла. Изрядно запыхавшись, у подножия холма Кингстон наш герой спустился на землю, взял велосипед за руль и повел вверх по склону. Примерно на середине подъема мимо него прогромыхала телега молочника; два человека с мешками на спинах торопливо прошли навстречу. Наверняка грабители потащили домой добычу.

На вершине холма Кингстон он впервые обратил внимание на странную тяжесть в коленях, но одновременно заметил и то, что теперь едет значительно спокойнее и ровнее, чем прежде. Радость от такого достижения затмила первые признаки переутомления. На дороге появился всадник, и, поражаясь собственному героизму, мистер Хупдрайвер не остановился, а гордо проехал мимо и под мерный стук отвертки о масленку стал спускаться в городок Кингстон, благополучно миновав по пути повозку торговца фруктами и медленно ползшую, доверху нагруженную кирпичами телегу. Попав в Кингстон, мистер Хупдрайвер испытал особое, непередаваемое воодушевление, когда увидел за полуоткрытыми ставнями галантерейного магазина двух зевавших парней в пыльных черных сюртуках и грязных – некогда белых – шарфах. Готовясь заново оформить витрину, бедняги тщательно протирали полки, ящики и карнизы для штор. Можно ли представить, что еще вчера утром наш герой делал то же самое? А сейчас в глазах простых людей он выглядел настоящим герцогом! Свернув направо, за угол, и оповестив об этом маневре отчаянным звоном колокольчика, «герцог» устремился по дороге, ведущей в Сурбитон.

Вперед без страха и упрека, к свободе и приключениям! Время от времени дома, мимо которых он проезжал, с сонным удивлением приоткрывали один глаз, а справа на протяжении мили, сверкая на солнце, несла свои беспокойные воды Темза. Вот что такое *joie de vivre*!¹ А тем временем странная тяжесть в коленях и икрах все отчетливее давала о себе знать, требуя немедленного внимания.

¹ Радость жизни (*фр.*).

V. Постыдное происшествие на глазах молодой леди в сером

Читателю следует помнить, что мистер Хупдрайвер вовсе не принадлежал к числу легкомысленных молодых людей. Сам царь Лемуил² не смог бы лучше усвоить наставления матушки. Представительниц прекрасного пола он считал сомнительными личностями, которым следовало кланяться и говорить любезности, а потом, с безопасного расстояния, ехидно ухмыляться в спину. Годы, что он простоял за прилавком, создававшим иллюзию близости и в то же время неутомимо разделявшим, оставили ощутимый след в характере нашего героя. Даже воскресное посещение церкви вместе с одной из коллег казалось ему необычайно смелым приключением. Вряд ли кто-то из молодых людей в меньшей степени соответствовал определению «нескромный». Однако мне думается, что велосипед мистера Хупдрайвера имел яркое, исполненное бурных событий прошлое. Хупдрайвер приобрел его в магазине подержанных вещей в Патни, и хозяин по имени Хайр честно предупредил покупателя о наличии нескольких предыдущих владельцев. Описание товара словами «из вторых рук» в данном случае совершенно не подходило, поскольку рук насчитывалось значительно больше, и сам Хайр искренне удивился возможности продать такую древность. Он заверил покупателя в полной исправности немного старомодного велосипеда, однако ни словом не обмолвился о его сложном характере. Не исключено, что первым его хозяином был некий молодой и ослепительно красивый поэт, которого затем сменил неисправимый поклонник дамских чар. Ведь каждый, кому доводилось скакать на двухколесном коне, уверенно подтвердит, что тот перенимает все дурные привычки всадника и верно хранит их до последних дней.

Несомненно, появление на дороге молодой леди в сером произвело на велосипед неизгладимое и возбуждающее впечатление. Ни с того ни с сего он начал вилять самым невероятным образом – невероятным с точки зрения неопытного мистера Хупдрайвера, – выписывая невиданные кренделя и оставляя за собой фантастические следы, подобные перьям на рисунках Бердсли³. Внезапно наш герой обнаружил, что кепка его неопрятно сползла набок, а дыхание сбилось.

Молодая леди в чудесном голубовато-сером костюме тоже ехала на велосипеде. Солнце светило ей в спину, создавая золотой силуэт и погружая в тень все, что существовало вокруг. Мистер Хупдрайвер успел заметить, что незнакомка молода, стройна, темноволоса, с ярким румянцем и блестящими глазами. А вот нижняя часть ее костюма привела его в легкое замешательство, хотя ему доводилось слышать о подобных вещах. Скорее всего такая смелая мода явилась из Франции. Руль ее велосипеда сверкал, а звонок отражал ослепительные лучи солнца. Леди приближалась со стороны особняков Сурбитона по аллее, примыкавшей к большой дороге под углом, и двигалась примерно с той же скоростью, что и наш герой. Таким образом, предстояла неминуемая встреча на развилке.

Мистера Хупдрайвера охватило ужасное смятение. По сравнению с нимфой он ехал безобразно. Может быть, лучше немедленно слезть с велосипеда и притвориться, что неисправна педаль? Но ведь неизвестно, чем закончится попытка спуститься на землю. Достаточно вспомнить унижительную неприятность в Патни! С другой стороны, что произойдет, если продолжить путь? Ехать медленно – значит неизбежно уронить мужское достоинство. Вот еще – ползти из-за какой-то школьницы! К тому же она ехала не очень быстро. Но и выскочить впе-

² Царь Лемуил – персонаж Притчей Соломоновых, к которому мать обратилась со следующими словами: «Не отдавай женщинам сил твоих, ни путей твоих губительницам царей». – *Здесь и далее примеч. пер.*

³ Бердсли Обри Винсент (1872–1898) – английский художник-график.

ред, завивая по всей дороге, крайне невежливо: похоже на жадность, ведь тогда ей останется совсем мало места. Работа в магазине научила его вежливо кланяться и угодливо отступать в сторону. Конечно, если бы удалось удержать руль одной рукой, то можно было бы проехать мимо, молча приподняв кепку. Но этот прием грозил неприятными последствиями.

Тем временем их пути сошлись. Молодая леди в сером с интересом посмотрела на него блестящими глазами – раскрасневшаяся от езды, тоненькая и невесомая. Красные губы слегка приоткрылись. Возможно, она немного устала. Впрочем, выражение ее лица скорее напомнило легкую улыбку. Да, и на ней были... бриджи! Внезапно мистер Хупдрайвер решил во что бы то ни стало избежать встречи и лихорадочно налег на педали, чтобы обогнать молодую леди в сером. Однако под колесо попала валявшаяся на дороге жестянка, предательски подскочила и застряла между рамой и грязевым щитком. Словно ведомый дьяволом, велосипед рванулся напрямиком на нимфу.

В этот миг в сознании мистера Хупдрайвера молнией промелькнуло сожаление: зря не слез с велосипеда. Пытаясь обогнуть препятствие, он совершил яростный рывок в сторону, потом выпрямил руль, инстинктивно свернул влево и проехал на расстоянии волоска от заднего колеса встречного велосипеда. Впереди угрожающе замаячил край тротуара. Мистер Хупдрайвер попытался выровнять курс, однако выскочил на тротуар и врезался в аккуратный деревянный забор. Удар оказался настолько мощным, что он слетел с сиденья и неуклюже сел на раму, после чего последовал крен влево. В результате наш герой закончил вираж, сидя на гравии и застряв ногами между рамой и педалью велосипеда. Падение на острый гравий причинило нестерпимую боль во всем теле. Он сидел неподвижно, жалея, что не сломал шею и, более того, что вообще появился на свет. Радость жизни бесследно испарилась. Какой уж тут его светлость герцог! А во всем виноваты отважные современные женщины!

Послышался шелест гравия, щелчок тормоза и чьи-то шаги. Рядом, придерживая велосипед, остановилась молодая леди в сером. Значит, специально вернулась. Ее лицо освещали теплые лучи солнца.

– Вы не пострадали? – спросила она участливо. Голос ее прозвучал чисто, нежно, совсем по-девичьи. Да ведь она и была очень молодой – можно сказать, юной. И при этом уже так хорошо ездила! Да, признание собственной ущербности не самая вдохновляющая самооценка.

Мистер Хупдрайвер поспешил подняться, пусть и немного неуклюже.

– Ничуть, – уныло ответил он, заметив, что прилипший гравий вовсе не украшает его новенький велосипедный костюм. – Глубоко сожалею, что так вышло...

– Во всем виновата я, и только я, – перебила его незнакомка, не дав произнести слово «мисс».

Он знал, что в данном случае такое обращение совсем не годится, но оно так глубоко засело в его голове!

– Я попыталась объехать вас с неправильной стороны. – Ее лицо и глаза выражали искреннее раскаяние. – Так что извиняться предстоит мне.

– Но моя езда...

– Надо было понять, что у вас мало опыта, – заметила она с оттенком высокомерия. – Просто показалось, что вы ехали так прямо!

Девушка действительно выглядела чертовски хорошенькой. Мистер Хупдрайвер не остался равнодушным и заговорил с легким оттенком аристократизма в голосе:

– По сути, я впервые отправился в путешествие. Однако это обстоятельство отнюдь не извиняет досадной оплошности.

– У вас кровь, – внезапно проговорила она.

Он увидел, что поранил палец, и мужественно ответил:

– Не почувствовал.

– Так всегда бывает: в первые минуты ничего не чувствуешь. У вас есть пластырь? Если нет, то... – Прислонив велосипед к стройному бедру, незнакомка извлекла из кармана небольшой рулон пластыря, вынула из футляра маникюрные ножницы и отрезала щедрый кусок.

С трудом сдержав желание попросить ее заклеить палец, мистер Хупдрайвер вежливо поблагодарил.

– Машина в порядке? – осведомилась молодая леди в сером, глядя на поверженный велосипед.

Мистер Хупдрайвер впервые не испытал за него гордости. Он нагнулся, чтобы поднять развалину, а когда выпрямился и взглянул через плечо, увидел, что красавицы рядом нет. Посмотрел через другое плечо, на дорогу, – она преспокойно удалялась.

– Зараза! – выругался наш герой. – Вот проклятье! Позору не оберешься!

Надо заметить, что в разговорах с самим собой речь его не отличалась аристократической утонченностью.

Мысли стремительно сменяли одна другую, но одно было совершенно ясно: восхитительное неведомое существо мелькнуло на горизонте и вскоре упорхнет из его жизни. Отпускное безумие взволновало кровь. Она обернулась!

Мистер Хупдрайвер тут же вывел велосипед на дорогу и попытался забраться на сиденье. Безуспешно. Попробовал еще раз. Неужели, черт возьми, ему больше никогда не удастся оседлать проклятый велосипед? Через минуту леди скроется за углом. Следующая попытка. Ах, педаль! Мимо! Нет! На этот раз получилось! Он вцепился в руль и упрямо склонил голову, решив во что бы то ни стало догнать беглянку.

Ситуация приобрела доисторическую простоту, первобытный человек на миг одержал верх над цивилизованной особью – приказчиком из магазина тканей. Он жал на педали со свирепой яростью. Так дикарь эпохи палеолита мог бы гнаться на высеченном из кремня агрегате за желанной, но недоступной добычей. Леди скрылась за углом. Мистер Хупдрайвер приложил поистине титанические усилия. Но что же сказать, когда он ее догонит? Поначалу эта мысль не слишком тревожила. До чего же чудесно она выглядела – раскрасневшаяся от езды, слегка запыхавшаяся, но все равно свежая, гибкая и быстрая! Разве можно ее сравнить с благовоспитанными домашними барышнями, у которых лица цвета холодной телятины! Но что же ей сказать? Проблема. И проехать мимо, с улыбкой приподняв кепку, невозможно: позор повторится. Да, незнакомка выглядела настоящей молодой леди, совершенно точно. Не то что краснощекие продавщицы! (Презрение продавцов к продавщицам уступает лишь презрению продавщиц к продавцам.) Да, вот задача! Колени на миг ослабли, но потом вновь окрепли.

– Позвольте спросить: кому я обязан спасением? – пробормотал мистер Хупдрайвер, репетируя начало диалога. Ничего, вполне сгодится. К счастью, он догадался запастись визитными карточками. Сотня за шиллинг, изготовление в присутствии заказчика.

Впереди показался поворот. Наш герой свернул и увидел исчезавшую за горизонтом дорогу, а на ней упрямо удалявшуюся серую фигуру. Он с досадой сжал зубы: неужели ничуть не приблизился?

– Обезьяна на колесах! – завопил стоявший на обочине мальчишка.

Мистер Хупдрайвер удвоил усилия. Дыхание его стало хриплым, руль начал лихорадочно вилять, педали яростно крутились. В глаз попала капля пота – едкая, словно кислота. Да, дорога действительно безжалостно поднималась. Сопrotивляясь жестоким нагрузкам, его организм громко закричал о помощи. Еще одно сверхъестественное усилие, и впереди показался новый поворот, а за ним новый отрезок тенистой дороги – пустой, если не считать повозки булочника. Внезапно переднее колесо громко взвизгнуло.

– О господи! – воскликнул мистер Хупдрайвер, сразу ослабев.

Ее все равно не было видно. Он неуклюже спустился на землю: ватные ноги не слушались. Пристроил велосипед на поросшей травой обочине и, тяжело дыша, сел рядом. Руки со вздувшимися венами дрожали, дыхание было шумным, со свистом.

«Тренировки пока явно не хватает, – подумал наш герой. – И такое чувство, будто не завтракал». Хлопнув себя по боковому карману, он достал новенький портсигар и пачку сигарет, старательно переложил каждую сигарету в портсигар. Взгляд с одобрением остановился на клетчатых носках, и постепенно лицо приняло умиротворенное и даже рассеянное выражение.

«Потрясающая девушка, – подумал мистер Хупдрайвер. – Удастся ли снова когда-нибудь ее увидеть? И ездит отлично. Интересно, что она обо мне подумала?» Слова сторожа «его светлость герцог» промелькнули в сознании и принесли душевное успокоение.

Мистер Хупдрайвер закурил и, не поднимая головы и не обращая внимания на проезжавшие мимо экипажи, погрузился в задумчивость. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем он вернулся к реальности и поднялся. «Что за ерунда! – сказал он себе раздраженно. – Какой смысл о чем-то думать, если я всего-навсего жалкий приказчик в галантерейном магазине?» (Сказать по правде, вместо слова «жалкий» он произнес другое, значительно более хлесткое: работа в магазине оттачивает внешнюю любезность, однако совместное проживание продавцов оказывает неблагоприятное воздействие на их манеры и нравственность.) Мистер Хупдрайвер повел велосипед в сторону Эшера. Утро мало-помалу переходило в прекрасный день; живые изгороди, деревья и зелень вокруг радовали утомленный городом взгляд. Однако теперь настроение путешественника слегка отличалось от первоначального ликования.

– Смотри, вот идет джентльмен с лисапедиком, – проворковала проходившая мимо нянька, обращаясь к малышу в коляске. Эти слова его приободрили. «Джентльмен с лисапедиком», «его светлость герцог»... Значит, выгляжу не так уж отвратительно, – подумал наш герой. – Интересно. Хотелось бы знать...»

Оставшийся на дороге прямой ровный след накачанных шин успокаивал. Наверняка это проехала она. Других велосипедистов утром видно не было, так что не исключено, что им удастся встретиться, когда она будет возвращаться. Может, постараться сказать ей что-нибудь остроумное? Наш герой задумался, кем может быть незнакомка. Скорее всего одна из так называемых новых женщин. Он не сомневался, что на них понапрасну клеветают. В любом случае велосипедистка выглядела истинной леди, к тому же явно происходила из состоятельной семьи: ее машина стояла не меньше двадцати фунтов. В следующую минуту его мысли сосредоточились на ее внешности. Мужской костюм вовсе не лишал прелестную особу женственности. Как бы то ни было, ему претило поведение охотника за богатством. Тут его мысли снова изменили направление: возникла острая необходимость срочно найти гостиницу и подкрепиться.

VI. По дороге в Рипли

Спустя некоторое время мистер Хупдрайвер дошел до гостиницы «Маркиз Грэнби» в Эшере. Пройдя под железнодорожным мостом и заметив впереди вывеску, он оседлал велосипед, бодро подкатил к самому порогу и заказал пиво «Бертон», а еще галеты и сыр – вполне подходящую закуску. Пока он пил и ел, в зал вошел человек средних лет в темно-желтом велосипедном костюме – очень красный, потный и сердитый – и недовольным тоном потребовал лимонаду. Затем он устроился за стойкой и принялся вытирать лицо платком, однако тут же вскочил и выглянул на улицу.

– Черт подери! – воскликнул он негодуя и добавил: – Проклятый идиот!

– Что-что? – обернувшись с куском сыра во рту, уточнил мистер Хупдрайвер.

Человек в темно-желтом костюме посмотрел на него в упор:

– Назвал себя проклятым идиотом, сэр. Имеете возражение?

– Нет-нет, что вы, – любезно ответил мистер Хупдрайвер. – Просто подумал, что вы обращаетесь ко мне. Не расслышал, что вы сказали.

– Видите ли, сэр, обладание созерцательным умом и энергичным темпераментом повергает человека в сущий ад. Да, это ад и ничто другое. Созерцательный ум прекрасно гармонирует с флегматичным темпераментом. Но энергия и склонность к философии... мирно ужиться не в состоянии!

Мистер Хупдрайвер с умным видом осторожно промолчал.

– Дело в том, сэр, что спешить мне абсолютно некуда. Выехал, чтобы размяться. Да, просто слегка размяться, полюбоваться природой и собрать кое-какие растения. Но стоит лишь сесть на проклятый велосипед, как я начинаю бешено гнать. Не смотрю по сторонам, не замечаю цветов, не вижу пейзажей. Зато становлюсь злым, потным, красным – точно котлета на сковородке. Примчался сюда из Гилдфорда меньше чем за час. Но ради чего, сэр? С какой целью? Почему?

Мистер Хупдрайвер неопределенно покачал головой.

– Потому, сэр, что я полный идиот. Потому, что во мне множество резервуаров, полных мускульной энергии, и какой-нибудь из них непременно протекает. Несомненно, дорога изобилует красотами. Вокруг полно птиц, деревьев, цветов, а ведь больше всего на свете я люблю наблюдать за окружающей жизнью. Но не могу. Посадите меня на велосипед, и я сразу помчусь сломя голову. Да посадите на что угодно – все равно помчусь сломя голову. А ведь я совсем не хочу спешить. С какой стати человек должен лететь изо всех сил – весь в мыле, истекая потом? Зачем и почему? Вот что приводит меня в ярость. Уверяю вас, сэр, я гоню по дороге как ошпаренный и не перестаю проклинать себя за это. В глубине души я спокойный, тихий, уравновешенный, склонный к размышлениям наблюдатель. И вот в присутствии постороннего джентльмена дергаюсь от злости и ругаюсь, как пьяный жестящик. Напрасно убил день. Пропустил всю сельскую дорогу и вот уже скоро окажусь на окраине Лондона. А ведь мог бы без спешки насладиться прекрасным утром! Тьфу! Благодарите небеса, сэр, за то, что не наделены раздражительным нравом и не приходите в ярость под действием вечной непримиримой борьбы души и тела. А вот я обречен на собачью жизнь... Но что толку рассуждать? Все равно измениться невозможно!

С видом непримиримого презрения к самому себе незнакомец запрокинул голову, залпом осушил стакан лимонада, расплатился и, не сказав больше ни слова, быстрым шагом направился к выходу. Мистер Хупдрайвер все еще раздумывал, что бы ответить, но собеседник уже скрылся из виду. Послышался скрип гравия под ногами, а когда мистер Хупдрайвер подошел к двери, человек в темно-желтом костюме уже катил по дороге в сторону Лондона, успев проехать добрый десяток ярдов и набрать немалую скорость. Напряженно склонив голову, он

мчался с плохо скрытой злостью, а спустя миг исчез под железнодорожным мостом, и наш герой никогда больше его не видел.

VII. Еще одна встреча

Проводив этот ураган на колесах задумчивым взглядом, мистер Хупдрайвер заплатил по счету и, ощутив приятную легкость в коленях, сел на велосипед и направился в Рипли по великолепной, но извилистой дороге. Он с гордостью заметил, что после отдыха и завтрака стал владеть машиной более уверенно, а потому принялся задавать себе небольшие упражнения, которые выполнял с переменным успехом. Например, он решал проехать между двумя камнями, лежавшими на расстоянии около фута друг от друга. Переднее колесо выполняло простое задание без малейшего труда, а вот заднее, лишенное бдительного ока седока, так и норовило предательски наткнуться на препятствие, отчего болезненные ощущения распространялись по всему позвоночнику вплоть до головы, а неплотно сидевшая кепка съезжала на глаза, создавая критическую ситуацию. Кроме того, при несложной с первого взгляда попытке убрать с руля одну или даже две руки неизменно возникали крайне неприятные последствия. Мистер Хупдрайвер стремился достичь успеха по нескольким причинам, однако пока все упражнения заканчивались лишь овладением новых некрасивых способов приземления.

Человеческий нос в лучшем случае представляет собой совершенно бесполезный нарост на лице. Правда, многие из нас считают его ценным украшением, отсутствие которого воспринимали бы с жалостью или даже с презрением. Однако сложно сказать наверняка, обусловлена наша приверженность к этому органу чувством абсолютной красоты или развращающим влиянием всевластной моды. Для начинающих же велосипедистов нос не только бесполезен, но и требует постоянного внимания. До тех пор, пока велосипедист не научится уверенно удерживать руль одной рукой, чтобы второй найти в кармане носовой платок, достать его и использовать по назначению, езда представляет собой бесконечную череду остановок. Кроме того, в природе существуют мухи, и лицо велосипедиста, не способного удерживать руль одной рукой, обречено находиться во власти Вельзевула. Мухи неторопливо, с удовольствием разгуливают по пространству, которое считают своим, и рассеянно пасутся на самых чувствительных участках. Единственный способ их прогнать – отчаянно трясти головой и яростно гримасничать. Однако этот метод не только утомителен и малоэффективен, но также ужасно неприятен для пешеходов. Порою новичок, лицо которого заливают пот, едет, зажмурив один глаз, что придает ему комичный вид, не соответствующий его настроению и не способствующий обузданию окрестных грубиянов. Таким образом, теперь вы понимаете смысл упорных упражнений мистера Хупдрайвера.

Вскоре он научился достаточно ловко хлопать себя по лицу правой ладонью, при этом не теряя равновесия и не опрокидывая машину, но что касается носового платка, во время езды он с равным успехом мог находиться не в кармане куртки, а в Калифорнии.

Однако не следует думать, что если мистер Хупдрайвер испытывал в пути некоторые неудобства, то хотя бы в малейшей степени чувствовал себя несчастным. В глубине его сознания постоянно присутствовала вдохновляющая мысль, что сейчас Бриггс занимается оформлением витрины, а ученик Гослинг, опрокинув на прилавок стул в качестве упора, с пылающими ушами пытается скатать льняное полотно в ровный рулон. Только те, кто когда-нибудь скатывал льняное полотно, знают, насколько отвратительно это занятие. К тому же в магазине пыльно, а здесь тихо, зелено и красиво и можно делать что душе угодно, не обращая ни на кого внимания. Не надо звать начальство: «На подпись!» – не надо складывать остатки тканей под крики управляющего: «Хупдрайвер, поворачивайся живее!» Однажды дорогу перебежал удивительный зверек: маленький, рыжий, с пышным желтоватым хвостом и короткими лапками. Так в жизни нашего героя состоялась первая встреча с белкой. Перед ним лежали мили, десятки миль чудес: сосновые леса и дубовые рощи; поросшие сиреневым вереском болота и цветущие поляны; щедрые изумрудные луга с лениво текущими речками; деревни с камен-

ными церквями и высокими прямоугольными колокольнями; увитые неведомыми вьющимися растениями недорогие, но уютные гостиницы; аккуратные белые сельские городки; длинные пологие спуски, по которым можно ехать совершенно спокойно (не обращая внимания на случайные толчки), и где-то далеко за всей этой неземной красотой – море.

Разве несколько случайных мух могли омрачить бесконечную радость бытия? Возможно, постыдное происшествие на глазах молодой леди в сером на короткое время испортило ему настроение, возможно, неприятное воспоминание соорудило себе берлогу в дальнем углу памяти, чтобы время от времени напоминать, что выглядел он полным идиотом, однако сейчас неприятный инцидент его не беспокоил. Зато человек в темно-желтом костюме – явно богатый и важный – разговаривал с ним как с равным, а коричневые бриджи и клетчатые носки постоянно мелькали перед глазами (точнее говоря, клетчатые носки можно было увидеть, склонив голову набок). А главное, заметно росло мастерство управления восхитительной, пусть и коварной, машиной! Ничего, что через каждые полмили колени отказывались служить и приходилось останавливаться, чтобы отдохнуть на обочине.

В очаровательном местечке между Эшером и Кобхемом, возле моста через речку, мистер Хупдрайвер увидел еще одного велосипедиста в коричневом костюме. И хотя их беседа продолжалась недолго, о ней стоит упомянуть, поскольку впоследствии они еще встретятся, и не один раз. Велосипедист в коричневом костюме сидел на траве рядом с ослепительно новым велосипедом и держал на коленях проколотую шину. Это был мужчина лет тридцати, если не больше, с бледным лицом, орлиным носом, обвисшими усами соломенного цвета и очень светлыми волосами. Критически оценивая предстоящую работу, он хмуро созерцал прокол. Завидев незнакомца, мистер Хупдрайвер сосредоточился и, проезжая мимо с видом прирожденного велосипедиста, обратился к нему с кратким приветствием:

– Прекрасное утро и замечательная дорога.

– Ко всем чертям вас вместе с утром и дорогой! – проворчал тот, но наш герой уже был далеко и до его ушей долетел лишь смутный звук.

В результате мистера Хупдрайвера посетило обманчивое, но приятное ощущение единства всех велосипедистов, а мужчина в коричневом костюме мрачно посмотрел ему вслед и буркнул, испытывая какую-то пророческую неприязнь:

– Грязный пролетарий. Купил себе коричневый костюм – в точности, как у меня. Можно подумать, что главная цель его жизни – пародия. Судьба насмеяется надо мной. Достаточно посмотреть, как он держит ноги на педалях! И зачем только небо создает таких несуразных существ?

С видом обреченного на вечные муки страдальца он закурил сигарету и принялся неумело заклеивать шину.

А мистер Хупдрайвер въехал на холм, добрался до места, откуда незнакомец уже не мог его видеть, спустился на землю и повел велосипед. Так он шел до тех пор, пока близость деревни и собственная гордость не заставили его вновь забраться на сиденье.

VIII. И снова она

Примерно на середине пути из Кобхема в Рипли произошло чудесное событие, точнее – чудесное поначалу, но неясное в конце. Мистер Хупдрайвер спустился с небольшого холма и увидел перед собой широкую, поросшую вереском равнину, по которой среди великолепных сосен тянулась желтая дорога. На обочине, на расстоянии примерно полмили, отчетливо выделялась маленькая серая фигурка, энергично размахивавшая чем-то белым.

– Невероятно! – воскликнул мистер Хупдрайвер, крепче сжимая руль.

Глядя вдаль, он с новой силой налег на педали, наткнулся на камень, покачнувшись, но удержался и, не веря собственным глазам, как можно быстрее помчался к заветной цели.

– Не может быть!

Несмотря на вновь возникшую боль в коленях, наш герой изо всех сил крутил педали и держался абсолютно прямо.

– Не может быть! – повторил он, с каждой секундой все больше убеждаясь, что чудо все-таки свершилось. – Господи, даже сейчас не уверен. – И совсем другим тоном добавил: – Будь они прокляты, эти чертовы колени!

Однако он мужественно мчался вперед, тяжело дыша и, подобно липкой ленте, собирая на себя окрестных мух. Вскоре дорога пошла в гору, и сопротивление педалей заметно возросло. А на вершине холма на расстоянии не больше сотни ярдов стояла молодая леди в сером. «Она! – восторженно подумал наш герой. – Совершенно точно. Костюм все решает». Последнее замечание соответствовало действительности значительно больше, чем думал сам мистер Хупдрайвер. Но сейчас прекрасная незнакомка уже не махала платком и даже не смотрела на него, а шла навстречу, ведя велосипед за руль и глядя по сторонам, на живописные лесистые холмы Вейбриджа. Судя по всему, она даже не подозревала о существовании нашего героя, хотя он узнал ее с полной определенностью.

На мгновение мистера Хупдрайвера посетило ужасное сомнение. Неужели белый платок померещился? Он едва не падал от усталости, взмок от пота, покраснел и вообще чувствовал себя ужасно. Должно быть, незнакомка просто кокетничала, ведь платок определенно существовал. Что лучше: подъехать и потом слезть с велосипеда или сначала слезть, чтобы спокойно и уверенно подойти? Даже хорошо, что она смотрела в другую сторону, ведь если бы он вздумал приподнять кепку, то неминуемо упал бы. Возможно, молодая леди в сером заботилась о его благополучии. Размышляя об этом, мистер Хупдрайвер поравнялся с красавицей. Должно быть, его тяжелое дыхание уже донеслось до ее слуха. Он нажал на тормоз. Стоять! Правая нога описала в воздухе дугу, и он тяжело, неуклюже, но встал на твердую землю. Богиня взглянула на него с восхитительным удивлением.

Мистер Хупдрайвер постарался любезно улыбнуться. Одной рукой удерживая машину, другой он приподнял кепку и грациозно поклонился – во всяком случае, так ему показалось. Смущение ничуть не потревожило его, поскольку он не подозревал, что прядь потных волос свисает на лоб и едва не закрывает глаза, да и вообще прическа пребывает в плачевном беспорядке. Последовала вопросительная пауза.

– Могу ли иметь удовольствие ... – вкрадчиво начал мистер Хупдрайвер, но, вспомнив, что он человек свободный, внезапно переключился на аристократический тон: – Могу ли я чем-нибудь помочь?

Молодая леди в сером прикусила нижнюю губку и очень мило ответила:

– Нет, спасибо. – И приняла такую позу, словно собралась продолжить путь.

– О! – разочарованно произнес сразу упавший духом мистер Хупдрайвер.

Незнакомка вела себя непредсказуемо, и все же стоило попытаться исправить ситуацию. Может быть, все-таки кокетничает? Или он ...

– Будьте добры, уделите мне еще минуту, – попросил наш герой, едва красавица продолжила путь.

– Да? – отозвалась она, искоса взглянула на него и, покраснев, остановилась.

– Я бы не остановился, если бы не вообразил, что вы... ээ... помахали чем-то белым. – Он умолк.

Молодая леди в сером посмотрела на него с сомнением. Значит, все-таки видел! Но, кажется, он не бессовестный негодяй, готовый воспользоваться ошибкой, а простая невинная душа в поисках счастья.

– Да, я действительно помахала платком, – подтвердила она. – Извините. Жду... друга, знакомого джентльмена. – Красавица на миг зарделась. – Он тоже едет на велосипеде и тоже в коричневом костюме. А на расстоянии, сами понимаете...

– О, разумеется! – тотчас подхватил мистер Хупдрайвер, мужественно борясь с горьким разочарованием. – Несомненно!

– Простите, пожалуйста, – продолжила незнакомка. – Из-за меня вам пришлось остановиться и все такое.

– Не стоит извинений, уверяю вас, – механически ответил мистер Хупдрайвер и перегнулся через сиденье, словно это был прилавок. Почему-то у него не хватило духу сообщить, что тот, кого она ждет, сидит на обочине с проколотой шиной. Пытаясь придумать, что бы еще сказать, он посмотрел назад, на дорогу, однако пропасть в беседе быстро и неумолимо расширялась.

– Значит, больше ничего не желаете? – в отчаянии произнес мистер Хупдрайвер, пытаясь найти выход в привычных клише.

– Ничего не нужно, благодарю, – решительно подтвердила молодая леди и тут же добавила: – Это дорога на Рипли?

– Именно так, – ответил наш герой. – Судя по дорожным столбам, отсюда до Рипли еще примерно две мили.

– Спасибо, – тепло поблагодарила она. – Большое спасибо. Я так и знала, что не ошиблась. Правда, я глубоко сожалею, что...

– О, не благодарите и не извиняйтесь, – остановил ее мистер Хупдрайвер и, на миг задумавшись, взялся за руль, чтобы забраться на сиденье. – Это я должен сожалеть... – Имеет ли он право это сказать? Не слишком ли дерзко? А, ну и пусть! – ...должен сожалеть, что оказался не тем джентльменом.

Он попытался любезно, но многозначительно улыбнуться, однако почувствовал, что вышла кривая, нахальная ухмылка, и понял, что красавица обиделась, испытывая презрение к его нетактичности и стыд за собственную несдержанность. Он повернулся к ней спиной и стал неуклюже забираться на велосипед, потом безобразно вильнул и, изо всех сил нажимая на педали, поехал с мучительным сознанием, что выглядит ужасно. Но хорошо уже то, что удалось благополучно забраться на сиденье! Он побоялся обернуться, чтобы не упасть, но ясно представил негодование и презрение незнакомки, а себя почувствовал полным идиотом. В разговоре с благородной молодой леди следует проявлять тонкую деликатность, а он повел себя так, словно перед ним стояла какая-нибудь игривая простушка. Непростительная оплошность! Почему он всегда ведет себя по-дурацки? А ведь по манере общения было не трудно понять, что джентльменом она его не считает. Ей хватило одного взгляда, чтобы увидеть его насквозь. Нельзя было даже пытаться заговорить с такой девушкой! С ее образованностью не составило труда оценить, что он собой представляет на самом деле.

До чего же красиво она изъясняется! Как изящно произносит слова! По сравнению с ее изысканной речью сразу заметен его ужасный, грубый выговор. К тому же эта нелепая последняя фраза. Для чего? «Оказался не тем джентльменом». Подумать только! Да еще назвал себя джентльменом! Что она о нем подумала?

На самом деле молодая леди в сером забыла о мистере Хупдрайвере прежде, чем тот скрылся за поворотом, и вовсе не подумала ничего плохого. Откровенное восхищение и нескрываемое благоговейное поклонение ничуть ее не обидели. Она предавалась иным размышлениям – о том, от чего зависела вся ее дальнейшая жизнь. Ведя велосипед, она медленно шла в сторону Лондона, но вскоре остановилась.

– Ах, ну почему же он не едет? – воскликнула она сердито и раздраженно топнула ножкой. И тут же, словно в ответ на ее вопрос, на холме среди деревьев показался другой человек в коричневом костюме. Он шел ей навстречу, тоже ведя велосипед за руль.

IX. Мистера Хупдрайвера преследуют

Мистер Хупдрайвер задумчиво ехал в сторону Рипли, и внезапная мысль, что он больше никогда не увидит молодую леди в сером, принесла облегчение, близкое к умиротворению. Однако плохо скрытое коварство велосипеда – истинной машины судьбы, *deus ex machina*⁴ – работало против него. Лишенный общества привлекательной молодой особы, велосипед становился все тяжелее и тяжелее и вел себя все более непредсказуемо. Пришлось выбирать: или остановиться на ночлег в Рипли, или умереть в расцвете лет. Мистер Хупдрайвер выбрал жизнь и, прислонив велосипед к стене первой попавшейся гостиницы под названием «Единорог», вошел внутрь. Отдыхая и покуривая сигарету в ожидании холодного мяса, он увидел в окно, как в город въезжает молодая леди в сером в сопровождении другого человека в коричневом костюме.

К ужасу нашего героя, пара свернула к той же гостинице, где остановился он, однако вид потрепанного велосипеда со вздыбленным грязевым щитком и мутным глазом фонаря явно отпугнул их и направил – так показалось мистери Хупдрайверу – в сторону широко раскрытой пасти гостиницы «Золотой дракон». Молодая леди в сером ехала очень медленно, а другой человек в коричневом костюме шел пешком, ведя испорченный велосипед. С неожиданной неприязнью мистер Хупдрайвер узнал льняные усы, орлиный нос и сутулые плечи.

Симпатичная от природы официантка давно устала и поблекла от нескончаемого потока разного рода путешественников, и мистер Хупдрайвер, со свойственной ему любезностью разговаривая с ней на отвлеченные темы: о погоде, о расстоянии до Лондона и превосходной дороге в Рипли, – никак не мог забыть свежесть и очарование молодой леди в сером. Сидя за столом, он то и дело посматривал в окно в надежде вновь ее увидеть, однако, судя по всему, «Золотой дракон» не оценил ту драгоценную добычу, которую проглотил. Невнимательность во время еды закончилась для мистера Хупдрайвера крупной неприятностью: он не заметил, как отправил в рот целую ложку горчицы. Оплатив счет, исполненный сил и храбрости, особенно после обильно сдобренного горчицей мяса, наш герой направился к выходу. Он намеревался встать возле двери и, широко расставив ноги и засунув руки в карманы, вперить бесстрашный взор в здание напротив, но как раз в эту минуту в воротах «Золотого дракона» (надо заметить, что эта чудесная гостиница сохранилась со времен дилижансов) появился другой человек в коричневом костюме с неисправным велосипедом. Он явно шел в мастерскую Фламбо, чтобы заменить проколотую шину. Заметив Хупдрайвера, незнакомец на миг замер, а потом мрачно усмехнулся.

Однако наш герой продолжал непоколебимо стоять возле двери до тех пор, пока другой человек в коричневом костюме не скрылся в мастерской, затем напоследок взглянул на гостиницу «Золотой дракон», беззаботно присвистнул и вывел велосипед на дорогу – туда, где хватало пространства, чтобы удачно забраться на сиденье и безопасно начать движение.

К этому времени мистер Хупдрайвер почти уверился, что больше не желает видеть молодую леди в сером, и пришел к выводу, что другой человек в коричневом костюме доводится красавице братом, хотя его бледность резко контрастировала с ее яркой внешностью. К тому же наш герой чувствовал, что выглядит безнадежным глупцом.

Однако погода была против него: стояла нестерпимая жара, солнце немилосердно пекло, вся сила ушла из ног и сосредоточилась в желудке, чтобы переварить холодное мясо. В результате путь в Гилдфорд изобиловал остановками. Мистер Хупдрайвер часто шел, ведя велосипед за руль, время от времени сидел и даже лежал на обочине, вопреки советам Бриггса и принципу

⁴ Бог из машины (*лат.*) – выражение, означающее неожиданную развязку той или иной ситуации с привлечением внешнего фактора.

экономии, заходил в каждый придорожный трактир, чтобы выпить стакан лимонада и опрокинуть кружку холодного пива. А ведь каждый велосипедист по опыту знает, что питье лишь стимулирует жажду – в значительно большей степени, чем жажда стимулирует питье. Так продолжается до тех пор, пока слабый духом страдалец не угодит в ад, где огонь никогда не затухает, а жажда никогда не утоляется. К счастью, спустя некоторое время в поле его зрения попали кислые зеленые яблоки по цене в несколько пенсов за фунт. Немудреные фрукты спасли нашего героя от неминуемой гибели. Мимо по дороге, сверкая спицами и мягко жужжа цепями, то и дело проносились велосипедисты – и по одному, и целыми группами. Чтобы не потерять достоинства, мистер Хупдрайвер всякий раз останавливался и притворялся, что приводит в порядок сиденье, при этом слезал он все более спокойно и уверенно.

В Гилдфорд наш путешественник приехал лишь к четырем часам и устал настолько, что решил переночевать в гостинице «Желтый молоток». Немного остыв и подкрепившись чаем с хлебом, маслом и джемом, причем чай он шумно прихлебывал из блюдца, мистер Хупдрайвер отправился бродить по городу, чтобы скоротать остаток дня. Путеводитель услужливо сообщил, что Гилдфорд – очаровательный старинный городок, знаменитый тем, что послужил местом действия романа Мартина Таппера⁵ «Стивен Лэнгтон, или Последние дни короля Иоанна». Здесь находились прекрасный замок, украшенный цветущей геранью и медными табличками с именами установивших их джентльменов, и ратуша – памятник архитектуры эпохи Тюдоров, привлекающий внимание путешественников. Магазины пользовались успехом и у местных жителей, и у гостей города, а потому улицы выглядели яркими, оживленными и цветущими. Мистер Хупдрайвер с особым интересом заглядывал в витрины галантерейных магазинов и магазинов тканей, где всюду суетились продавцы. Главная улица поднималась к горизонту под углом в семьдесят градусов – во всяком случае, так показалось нашему герою, по понятной причине особенно чувствительному к причудам ландшафта. Можно представить, с каким ужасом он наблюдал за велосипедистом, спускавшимся с горы подобно мухе, сползающей по оконному стеклу. А на машине смельчака даже не было тормоза!

Ранним вечером мистер Хупдрайвер отправился в замок и заплатил два пенса, чтобы подняться на башню. Наверху он равнодушно взглянул сквозь решетку на прижавшиеся друг к другу красные крыши домов и церковную колокольню, потом перешел на южную сторону, закурил и обратил взор на поросшие ежевикой и папоротником развалины, за которыми, пересекая вересковую пустошь, простиралась цепочка мягких голубых холмов, лениво поднимавшихся к вершинам Хиндхед и Батсер. Светло-серые глаза нашего героя светились благодушием и отражали приятное предвкушение, ведь завтра ему предстояла поездка по этой манящей долине.

Он не заметил, чтобы кто-нибудь поднялся на башню вслед за ним и не подозревал о чем-либо присутствии до тех пор, пока не услышал тихий голос:

– Ну вот, мисс Бомонт, наслаждайтесь прекрасным видом.

Имя прозвучало шуточно и даже с легким оттенком иронии.

– До чего красив этот старинный городок, братец Джордж, – отозвался другой, до боли знакомый голос.

Повернувшись, мистер Хупдрайвер увидел стоявшую к нему спиной пару: другого человека в коричневом костюме и молодую леди в сером. Красавица с улыбкой повернулась к спутнику, демонстрируя точеный профиль, и добавила:

– Вот только братья не обращаются к сестрам, называя их «мисс».

В эту минуту, посмотрев через плечо, она увидела мистера Хупдрайвера.

⁵ *Таппер Мартин Фаркуар* (1810–1889) – английский поэт и романист. Особой популярностью пользовался его сборник стихов «Философия пословиц».

Проследив за ее взглядом, другой человек в коричневом костюме достаточно громко воскликнул: «Проклятье!» – а наш герой с равнодушным видом отвернулся и вновь обратил взор на долину.

– Красивый старинный городок, не так ли? – после продолжительной паузы произнес другой человек в коричневом костюме.

– Очень красивый, – откликнулась молодая леди в сером.

Вновь повисла пауза.

– Нигде невозможно остаться одним, – оглядываясь, посетовал другой человек в коричневом костюме.

Мистер Хупдрайвер понял, что мешает, и решил удалиться. Не стоит уточнять, что на первой же ступеньке узкой и крутой каменной лестницы он споткнулся и удалился самым унижительным способом. Только что состоялась третья встреча с ним и четвертая встреча с ней! Правда, эта мысль посетила его уже у подножия башни. Несомненно, пара тоже направлялась на южное побережье Англии. Что же, пусть так. Завтра он встанет пораньше, чтобы скрыться от нее, то есть от них. Ему не пришло в голову, что мисс Бомонт и ее брат могут сделать то же самое. Не подумал он, по крайней мере тем вечером, и о том, что обращение брата к сестре «мисс Бомонт» звучит действительно странно. Сознание мистера Хупдрайвера занимала собственная неказистая роль в утомительных встречах с ними, и эти воспоминания не приносили ни капли удовлетворения.

И еще раз совершенно неожиданно он наткнулся на этих людей. Встреча произошла около семи часов. Мистер Хупдрайвер остановился у витрины магазина тканей и поверх представленных образцов принялся с пристрастием разглядывать суетившихся внутри приказчиков. За такими наблюдениями он мог бы с удовольствием провести целый день и оправдывал такое любопытство чисто профессиональным желанием понять, как парни развешивают полотно на медных карнизах под потолком, хотя в глубине души понимал, что это не так. Покупатели не представляли для него ни малейшего интереса, а потому прошло больше минуты, прежде чем он заметил среди них молодую леди в сером. Он тут же отвернулся от витрины и обнаружил, что другой человек в коричневом костюме стоит на краю тротуара и со странным выражением пристально за ним наблюдает. Здесь возникла трудноразрешимая дилемма: следует ли считать себя преследователем, являясь для этих двоих досадной помехой, или же они преследуют его, внося в сознание сумятицу. Наконец, отчаявшись найти ответ, мистер Хупдрайвер оставил бесплодные попытки, так и не решив, как себя вести во время следующей встречи: то ли негодуя нахмуриться, то ли изобразить искреннее сожаление и продемонстрировать стремление к примирению.

Х. Образы, возникшие в уме и сердце мистера Хупдрайвера

Во времена нашей истории мистер Хупдрайвер был поэтом, хотя в жизни не написал ни единой строчки, но, наверное, правильнее было бы назвать его романистом. Подобно большинству заурядных людей, чьими мелкими заботами, волнениями и трудами движется жизнь, наш герой вел совершенно скучное, неинтересное, лишенное ярких красок существование. Если бы он задумался о своей участи с такой же реалистичностью, как герои романов мистера Гиссинга⁶, то скорее всего спился бы и меньше чем через год покончил с собой. Но, к счастью, природа наградила юношу мудростью и защитила от печального исхода. Напротив, он постоянно приукрашивал и расцветчивал жизнь нескончаемыми фантазиями, надеждами, позами, причудливым и в то же время вполне действенным самообманом. Реальный опыт служил лишь основой для яркой романтической надстройки. Если бы высшая сила наделила нашего героя тем волшебным даром, о котором молил Бернс – «видеть себя так, как видят другие»⁷, – то скорее всего при первой же возможности он отказался бы от него, передав кому-нибудь другому. Однако следует иметь в виду, что жизнь мистера Хупдрайвера представляла собой не постоянно продолжавшийся роман, а череду коротких рассказов, связанных лишь общим героем. Как правило, главный персонаж воплощался в темноволосого молодого человека с голубыми глазами и небольшими светлыми усами, скорее изящного, чем сильного, скорее сообразительного и решительного, чем умного (как пишут в научных книгах, см. выше), и неизменно обладающего железной волей. Рассказы эти отличались необыкновенным разнообразием сюжетов. Простая сигарета в руке мгновенно превращала его в человека светского, изысканно-распутного, с насмешливым огоньком в глазах и милыми грехами в биографии. Видели бы вы мистера Хупдрайвера прогуливающимся по вечерам по парку Эрлс-Корт, когда там рано заканчивались развлечения! Какие многозначительные взгляды он бросал! (Значение этих взглядов определить не отважусь.) А вот красноречивая проповедь священника о духовном возрождении направляла фантазию в совершенно иное русло, являя мысленному взору героя в белых одеждах: безусловно чистого душой, сумевшего остаться незапятнанным, благородным и бесстрашным среди окружающей грязи. Или вот такой пример: появление в магазине модно одетого джентльмена в белых перчатках, с цветком в петлице и моноклем, галантно сопровождавшего свою спутницу, рождало сюжет о человеке кромвелевской простоты, грубовато-суровом, справедливом и мужественном, молчаливо шагавшем по жизни. В тот день, который я описываю, тон задавали фантазии о безусловно одетом, беззаботном аристократе, эксцентрично севшем на самый обычный велосипед, – иными словами, о таинственном представителе высшего света, невероятно скромном, но время от времени эксцентричном. Возможно, по южному побережью Англии путешествовал инкогнито не кто иной, как сам его светлость герцог.

Не стоит думать, что хотя бы малая часть этих бесконечных историй достигала посторонних ушей: мистер Хупдрайвер никогда не стремился сделать их достоянием общественности. Если бы я не боялся лишних хлопот, то непременно вернулся бы в начало этой главы, вычеркнул утверждение о том, что мистер Хупдрайвер был прирожденным поэтом и романистом, а взамен написал, что он сочинял пьесы и сам их разыгрывал, причем являлся не только единственным исполнителем, но и единственным зрителем, испытывая при этом состояние абсолютного счастья. Но даже сравнение с драматургом едва ли передает полноту натуры нашего героя. В конце концов, многие его мечтания, а возможно, даже большинство из них, никогда

⁶ Гиссинг Джордж Роберт (1857–1903) – английский писатель, крупный представитель натуралистического романа.

⁷ Бернс Роберт (1759–1796) – шотландский поэт.

не находили воплощения – например, фантазии, рождавшиеся во время одиноких прогулок, поездок в трамвае или за прилавком, когда торговля шла вяло, а руки механически складывали и свертывали ткани. Часто он сочинял небольшие драматические сценки или остроумные диалоги. Например, приезд в родную деревню в прекрасном новом костюме и дорогих перчатках, завистливые взгляды соседей, восторг пожилой матушки, скромное, словно между прочим, замечание: «Получил в «Энтробусе» надбавку в десять фунтов, мама. Что скажете?» Или первое, смущенное и нежное признание в любви симпатичной девушке, которой несколько дней назад продавал сатин, или рыцарственное спасение благородной красавицы то ли от оскорблений грубияна, то ли от нападения бешеной собаки.

Многие люди фантазируют, а мы об этом даже не подозреваем. Так, порою, встретив на улице продающего спички оборванного мальчишку, мы думаем, что от безысходности и вечных унижений его защищают лишь жалкие лохмотья да тощие мускулы, но на самом деле по жизни его ведет невидимый сонм ниспосланных небом мечтаний, подобных тем, что скрашивают мое и ваше существование. Многие из нас никогда не видели собственного профиля и затылка, а уж для отражения тайных глубин сознания зеркало пока вообще не придумано. Фантазия защищает мальчишку настолько надежно, что удары судьбы едва задевают его или ощущаются как легкая, даже приятная щекотка. Собственно говоря, так происходит с каждым из нас. Самообман служит своего рода анестезией в то время, пока Господь творит сущностное воплощение малых сих.

Но отвлечемся от общих рассуждений и вернемся к фантазиям мистера Хупдрайвера. Теперь становится ясно, насколько поверхностно мы его представляли, бросив лишь мимолетный взгляд на его внутреннюю драму и на то, как это отражается в магическом зеркале его сознания. По пути в Гилдфорд и во время случайных встреч с преследовавшей его парой велосипедистов сюжет являл главным образом тихого скромного джентльмена, которого я старательно описывал, но в самом Гилдфорде под влиянием внешних обстоятельств наш герой раскрылся куда более полно, интересно и даже непредсказуемо. Например, при виде объявления в витрине конторы агента по недвижимости ему ничего не стоило разыграть небольшую очаровательную пьесу. Он навел справки о сдававшемся в аренду за тридцать фунтов доме, попросил ключ и отправился осматривать здание, чем чрезвычайно возбудил любопытство служащего. Поводом для подобных действий стал придуманный образ террориста, ищущего надежное укрытие. Следуя данной теории, он тщательно осмотрел помещение и туманно заявил, что дом соответствует его нуждам, но необходимо проконсультироваться с «остальными». Служащий, однако, тонкого намека не понял и просто пожалел слабовольного клиента, решив, что тот слишком рано женился и теперь вынужден подчиняться более сильному характеру своей половины.

Каким-то мистическим образом история с домом привела его к покупке блокнота и карандаша, а это, в свою очередь, послужило толчком для создания образа художника, делающего зарисовки. Эту небольшую игру мистер Хупдрайвер нередко затеивал в дни ранней юности в родном Гастингсе, когда находил близкую по духу компанию, чем нередко вызывал раздражение многочисленных респектабельных туристов. По гордому признанию матушки, мистер Хупдрайвер с детства проявлял талант к рисованию, но добросовестный и, как водится, недалекий школьный учитель, заметив пробуждавшийся дар, старательно придушил его скучными уроками и нудными наставлениями. Однако наш герой с увлечением зарисовывал интересные уголки, достопримечательности и просто красивые виды старинного Гилдфорда. Однажды другой человек в коричневом костюме, стоя у окна в номере гостиницы «Граф Кент», заметил на углу у ворот соперника. С блокнотом в одной руке и карандашом в другой, тот без зазрения совести занимался тем, что деловито увековечивал импозантный фасад здания. Другой человек в коричневом костюме тут же отпрянул от окна, а потом, слегка пригнувшись, принялся подглядывать в щелку между тюлевыми занавесками.

XI. О чем я не поведал читателям

Не буду рассказывать, чем еще занимался мистер Хупдрайвер в Гилдфорде в великолепный первый день долгожданного отпуска: как в сиреневых сумерках бродил по старинному городу и поднимался на гору Хогбек, чтобы полюбоваться зажигающимися одна за другой маленькими лампочками внизу и вспыхивавшими над головой такими же маленькими звездами, как по освещенным фонарями улицам вернулся в гостиницу «Желтый молоток» и бесстрашно поужинал в коммерческом зале, с гордостью чувствуя себя Человеком среди Людей, как принял участие в обсуждении летательных аппаратов и электричества и даже высказал оригинальное мнение, что летательные аппараты «наверняка появятся», а электричество «чудесно, чудесно», как наблюдал за партией в бильярд и несколько раз с пророческим видом посоветовал: «Оставьте их в покое», – как, охваченный неудержимой зевотой, достал карту и внимательно изучил дальнейший маршрут. Обо всем этом не стану даже упоминать. Точно так же не возьмусь описывать, как мистер Хупдрайвер отправился в канцелярскую комнату, обмакнул перо в красные чернила и обозначил на карте путь из Лондона в Гилдфорд яркой жирной линией. В небольшой тетради он регулярно вел дневник путешествия, где подробно описывал все занятия. Считаю необходимым в скором времени представить его читателям, чтобы никто не усомнился в правдивости моей книги и не подумал, что автор сочинил небылицу, желая скоротать досужие часы.

В конце концов, зевота овладела мистером Хупдрайвером настолько, что волей-неволей пришлось закончить великолепный, полный впечатлений день. (Увы, рано или поздно все дни заканчиваются!) В холле наш герой взял у приветливой горничной свечу и поднялся в номер, куда пишущий для семейного чтения романист не осмелится за ним последовать. Но с уверенностью могу сказать: счастливый и сонный, путешественник опустился на колени возле кровати и прочитал молитву «Отче наш», заученную двадцать лет назад со слов матушки. Позднее, когда дыхание его станет глубоким и ровным, мы осмелимся пробраться в комнату и взглянуть на спящего героя. Вот он лежит на левом боку, засунув руку под подушку. Темнота скрывает очертания фигуры, но если бы нам удалось рассмотреть во мраке его лицо, то, несмотря на жидкие, плохо растущие усики, несмотря на воспоминания о произнесенных в тот день дурных словах, мы увидели бы, что на самом деле спящий человек всего лишь маленький ребенок.

ХII. Сны мистера Хупдрайвера

Опущенные ставни и темнота не помешали нам увидеть безмятежное лицо мистера Хупдрайвера, мирно спавшего в простой маленькой комнатке на верхнем этаже гостиницы «Желтый молоток» в славном старинном Гилдфорде. Но так было лишь до полуночи. Время шло, и нашего героя начали тревожить сны.

После целого дня, впервые проведенного на велосипеде, один сон неизбежен: мышцы ног сохраняют память о движениях, а потому вы и во сне продолжаете бесконечно крутить педали. Неустанно колесите по стране снов на чудесных воображаемых велосипедах, которые постоянно изменяются, становясь все больше, все сильнее, все быстрее. Отважно съезжаете с крутых крыш и лестниц, бесстрашно перелетаете через пропасти. Тщетно пытаетесь найти рукой тормоз, чтобы не рухнуть, в ужасном предчувствии парите над густонаселенными городами. Не в силах удержаться, погружаетесь в бурные реки и беспомощно налетаете на устрашающие препятствия. Вот и мистер Хупдрайвер вскоре покинул тьму небытия и в колеснице Иезекииля⁸ помчался по долине графства Суррей, перелетая через холмы и стирая с лица земли деревни. Тем временем другой человек в коричневом костюме постоянно посылал ему вслед проклятия и громко кричал, пытаясь остановить непреклонного соперника. Присутствовал во сне и разговорчивый полевой сторож, и энергичный человек в темно-желтом костюме, который не переставал ругать себя последними словами. Сам же мистер Хупдрайвер выглядел полным идиотом. Нет, не то слово. Джином. Тоже не то. А, вспомнил: Джаггернаутом – безжалостным разрушителем!⁹

⁸ *Иезекииль* – согласно христианскому учению, один из четырех ветхозаветных пророков; ему принадлежит описание тетраморфа – четырех образов над таинственной Божественной колесницей-троном.

⁹ *Джаггернаут* – термин для обозначения слепой, непреклонной разрушительной силы; берет начало в санскрите.